

ваться на практике и без этого (например, вступление России в ВТО). По поводу двух других стратегий представляется совершенно справедливым их совместная реализация в различных отраслях промышленности. Однако простой реализации мало. Необходимо предусмотреть мероприятия, нивелирующие недостатки этих стратегий, иначе вместо эффекта можно получить отрицательный экономический результат. В частности отметим, что стратегия догоняющего развития и стратегия технологического рывка требуют на первых этапах протекционизма (защиты внутреннего рынка) и прямой государственной поддержки инновационных процессов и предприятий, а также налаживание взаимодействия между наукой и бизнесом (предприятиями в российской, совместной или иностранной собственности).

Литература и источники:

1. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года / Утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р – URL: <http://правительство.рф/gov/results/17449/>
2. Глазьев С.Ю. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал – 2011. – №4. – С. 68 – 85.
3. Кузык Б.Н. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. – 2009. – №1. – С.56-67. – URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_01/kuzyk.htm
4. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя – глобальная трансформация XXI века: Научный доклад /Институт экономических стратегий - URL: <http://www.library.newparadigm.ru/files/b19r.pdf>
5. Леонтьев Б. Базовая модель национальной инновационной системы // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2009. - № 8. – С. 4-14.
6. Полтерович В. Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. – 2009. – № 2. – С. 3-18.
7. Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года - URL: <http://2020strategy.ru/>
8. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика /Итоговый доклад - URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>

АНТРОПОЛОГИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.В. Старикова

В условиях глобализации становится очевидным закрепление нравственных императивов индивида в строгой этической матрице открытого полисемантического кода универсального многополярного универсума современной культуры. Это обстоятельство в свою очередь ставит с очевидностью проблему свободного самоопределения человека от новых антропологических моделей. Решить эту задачу невозможно без истолкования происхождения новейших антропологических моделей из недр философской традиции XX-го века. Обратимся к опыту французской мысли, который можно условно

обозначить как «негативная антропология», поскольку его задача, как нам представляется – освободить человека от принудительности любого позитивного определения и открыть путь к возможностям самоопределений.

Жорж Батай [1] через радикализацию дискурса о человеке и развенчание антропоцентризма инициирует антропологический ход, который в современности обращен на множественность. Множественность в этом смысле является следствием отхода от оппозиций классической метафизики и категории субъекта, от стремления обрести самость вне сущностных определений. По мнению Ж.-Л. Нанси [4], это обстоятельство производит определенный поворот в современном мышлении, который сводится к отказу от приоритетов политической философии и форм господства её. Поворот этот связан скорее с онтологическим характером множественности – как множественности самого бытия. Вместе с тем, в пределах новой политической мысли, идея множественности приводит к постулированию ряда отличных от классических форм политического вообще.

Отказ от господства в философии – смысла, системы, знания и прочих форм институционализации – особым образом формирует современное пространство политического. В своей работе «Империя» [5] Майкл Хардт и Антонио Негри заявляют о смене классической формы суверенности. Это не означает отказа от идеи суверенности вообще, но представляет собой фиксацию перехода к новой глобальной форме управления, связанной с мировой циркуляцией капитала, производства. Тем самым, авторы фиксируют современную форму суверенности, складывающуюся в пределах новой империи. Здесь, как нам представляется, уместно обратиться к А. Кожеву, к его рассуждениям о влиянии философа на управление государством. Именно философия, по его мнению, есть то, что дает развитие истории. В качестве примера последнего утверждения он предлагает обратиться к фигуре Александра Македонского, движимого в своей деятельности философским учением Сократа. “Политическую деятельность Александра, в отличие от всех его предшественников и современников в Греции, характеризует то, что она определялась идеей *Империи*, т.е. *универсального* государства – по крайней мере в том смысле, что у этого государства не было *априори заданных* пределов (географических, этнических или иных). Не было ни *предустановленной* столицы, ни географически или этнически *зафиксированного* ядра, которые были бы призваны политически господствовать над периферией” [3; С.375-376]. Как мы увидим далее, Хардт и Негри используют сходные понятия для фиксации современной политической ситуации. Начало переходу в новое (или, скорее, хорошо забытое...) политическое пространство, как отмечают эти авторы, было положено концом эпохи колониализма, а также преодолением прежних границ – жесткого противостояния с бывшим Советским Союзом. “Несомненно, что с развитием процесса глобализации суверенитет национальных государств, пока еще действенный, постепенно разрушается” [5; С.11]. Современная Империя рождается через разрушение традиционных колониальных форм суверенности и отказ от империализма. Последний был связан, прежде всего, с территориями национальных государств и с наличием центра власти, из которого осуществлялась экспансия нации за пределы своей территории. “В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть *лишенный центра и привязки к определенной территории*, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменами посредством модулирования командных сетей” [5; С.12]. Здесь стоит отметить основное отличие концепции власти Мишеля Фуко и Антонио Негри. Для Фуко децентрация власти означает распыление и

отправление её через множество локальных точек. Власть имманентна пространству организации – как частной жизни индивида, так и общества в целом. Как отмечал Жиль Делёз в своей книге о Фуко: “У власти нет сущности, ибо она оперативна. Власть является не свойством, а отношением: отношения власти представляют собой совокупность отношений сил, которые пронизывают подвластные силы, в не меньшей степени, чем господствующие, при том, что и те, и другие представляют собой единичности - сингулярности” [2; С.51]. Децентрация – это отказ от классических форм отправления власти, то есть, сверху вниз, в пределах зафиксированной иерархии. Тем самым, власть как отношения власти оказывается внутренним принципом всякой организации. В рамках новой Империи децентрация власти обеспечивается перманентным *смещением* центра, то есть центр здесь сам децентрирован. Это предполагает вариант номадической власти, ускользающей от привязки к определенной картографии. Такое положение дел связано с отказом от национальных приоритетов и стратегий, которые были характерны для периода модерна. Тем самым, ни одно национальное государство уже не в состоянии присвоить себе статус центрального. Отказ от территориальных границ, то есть неограниченность, и включенность в глобальное пространство – вот первая черта нового политического пространства – Империи. Другая черта – в постоянстве этой формы, в указании на стагнацию исторического хода, иными словами – на возможность Империи в конце истории. Третья черта – в осуществлении так называемой биовласти, то есть, тотального социального контроля. Сама идея Империи, согласно Негри, всегда обращена на установление мира и порядка, даже, несмотря на то, что на практике она “залила кровью”.

Эта новая форма суверенитета представляет собой глобальную сеть. Перед нами альтернатива как односторонним приоритетам в политике, так и различным политическим альянсам – многосторонности. Империя, в этом смысле, это тенденция определенного видения власти, но никак не метафора. Глобальная форма распространения есть также форма всеобъемлющая – она позволяет включить в себя всё многообразие, в том числе протесты против самой империи, которые являются конститутивной формой её присутствия. Именно поэтому авторы не считают продуктивной ностальгию по прежним формам господства, но предлагают искать освобождение через преобразование и новую направленность современных политических процессов, разворачивающихся в форме глобализации. Иными словами, необходимо сосредоточиться на поиске позитивных моментов внутри самой империи. «Мы сосредоточимся на рассмотрении множества как живой альтернативы Империи, вырастающей в ее недрах» [6; С.4].

Империя набрасывает на социальное пространство сеть раздоров и конфликтов. По признанию авторов, она характеризуется перманентным состоянием войны и состоянием притворства. Тем самым их проект состоит в обновлении демократии, в пересмотре основополагающих понятий, в попытке прекратить состояние войны и перейти к установлению мира. Нас здесь не интересует в полной мере этот проект обновления демократии в условиях империи. Для нас показательным является приоритет понятия множества в современной политической картине мира, исходя из которой, мы вернемся вновь к сугубо антропологическим изысканиям.

Множество здесь также представлено в виде сети – это своего рода сеть различий и разногласий, циркулирующих в едином пространстве кооперации и совместного действия. “Множество характеризуется несчетным числом внутренних несходств, которые невозможно свести воедино или к одному облику, поскольку оно составлено из отдельных культур, рас, этносов, гендеров, сексуальных ориентаций, разных форм труда, образцов жизни, мировоззрений и устремлений. Множество состоит из многочисленных своеобразий подобного рода” [6; С.4]. Тем самым в общем смысле множество есть то, что помогает сохранить различие. Если прежние формы суверенитета были связаны с

установлением идентичности, как правило, национальной, то современная ситуация уже не способна свести все различия воедино, следовательно, трансформируется так же и форма власти. Если прежде экспансия осуществлялась за пределы территории государства, то сейчас, по причине отсутствия более-менее четких границ, власть осуществляется за счет поддержания перманентных конфликтов внутри социального пространства. Иными словами, власть осуществляет себя уже не через установления и унификацию, но через серии конфликтов и раздоров. Новая форма порядка возможна только на почве раздора. В этом и состоит проблема – как от состояния раздора перейти к мирному состоянию. Ресурс для решения проблемы находится как раз в понятии множества – в обеспечении совместной жизни при наличии различий.

Важным моментом множества как сети является её открытость, готовность включить в себя самые различные возникающие узлы. Множество позволяет обойти традиционные формы социального как пространства идентичного и однородного. Множество лишено идентичности, во всяком случае, в своем отчетливом виде, но за счет кооперации различий, обеспечивает возможность коммуникации и новой общности. Именно здесь находит себя мощный демократический ресурс – вне централизованных форм господства и диктатуры, на пути к демократии множества – глобальной демократии, то есть от отношений власти – к отношениям сотрудничества.

Это позволяет отметить переход от классического антропологического знания, каким оно сформировалось в конце XIX века к новому антропологическому мышлению. Изначально антропологические теории строились на основе жесткого различения между европейским типом мышления и так называемым “примитивным”, причем, между ними было много расхождений и непреодолимое отчуждение. Затем, уже в XX веке фигура примитива заменяется фигурой крестьянина, как более близкого и схожего. Однако, эта фигура не была воспринята всерьез и на смену этой близости различия пришла новая концептуализация различий. Так, по мнению Хардта и Негри, рождается всемирная антропология. “Задача последней в том виде, как ее формулируют сегодня многие ученые, заключается в полном отказе от традиционной структуры противопоставления и разработке взамен понятия культурного отличия, основанного на представлениях об исключительности” [6; С.161]. Для нее необходимым, прежде всего, является отказ от европоцентризма как основания для противопоставления. Для классической антропологии был характерен некоторый анахронизм, с которым связывались представления о примитивных обществах или крестьянских общинах, - европейская мысль всегда изымала их из настоящего и помещала в прошлое. В этом смысле Европа всегда выступала как стандарт, в соответствии с которым оценивались все прочие регионы мира. Тем самым она позиционировала себя не только в пространственном, но и в темпоральном отрыве от всего мира. Благодаря концепции множественности, Европа перестает быть привилегированным регионом, исчезает противопоставление, возникает единичное и общее. “Когда мы имеем дело с населением, которое на нас не похоже, больше нет нужды выбирать между утверждениями: “Они такие же, как мы” или “Они отличаются от нас” (как это было в дискурсах, касавшихся первобытных людей и, до какой-то степени, крестьян). Противоречивая концептуальная пара – идентичность и особенность – не составляют адекватного контекста для понимания того, как организовано множество. Ведь мы образуем множество особенных образов жизни и *в то же самое время* ведем общее глобальное существование. Антропология множества есть антропология единичного и общего” [6; С.163].

Тем самым сеть, которой представлено множество, есть сеть исключений, открытая разного рода включениям. Именно сеть стала всеобщей формой нашего восприятия и понимания мира. Термин множество или множественность, является, как нам представляется, приоритетным для современной антропологической мысли. Он позволяет

уйти от жестких форм унификации, осуществлявшейся за счет тяготеющих к догматизму сущностных определений человека. Путь от негативной антропологии к антропологии множественности есть путь открытый для самопоиска современного человека эпохи глобализации.

Литература и источники:

1. Батай Жорж (1897-1962) - известный французский философ и писатель, критик религии и буржуазной экономики, гл. работа «Внутренний опыт» (1943).
2. Делез Ж. Фуко. М., 1998.
3. Кожев А. Атеизм и другие работы. - М.: Праксис, 2007.
4. Нанси Жан-Люк (р.1940) – современный французский философ, яркий представитель фр. постмодерна.
5. Хардт М., Негри А. Империя. - М.: Праксис, 2004.
6. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006.

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ EXNESS НА МЕЖДУНАРОДНОМ ВАЛЮТНОМ РЫНКЕ FOREX

Т.З. Артюхова

Российские предприятия и фирмы в настоящее время имеют возможность самостоятельно осуществлять внешнеэкономические операции и ответственны за организацию и управление своей внешнеэкономической деятельностью. Организуя ее, они определяют, какие служебные подразделения выполняют те или иные функции по осуществлению внешнеэкономических операций и каким образом координируется их внешнеэкономическая работа.

Управление внешнеэкономической деятельностью на уровне фирмы предполагает решение таких важнейших задач, как разработка стратегических направлений внешнеэкономической политики, составление планов внешнеторгового маркетинга и формирование оптимальной структуры органов управления внешнеэкономической деятельности.

Это требует от отечественных субъектов мирового рынка высокого профессионализма, знания маркетинговой технологий, практики и обычаев ведения внешней торговли, ее форм и методов, умения проводить комплексные исследования зарубежных рынков и отбирать для своей работы наиболее перспективные и оптимальные из них.

На мировом экономическом пространстве ширятся процессы интернационализации и глобализации, все более тесно осуществляется международное экономическое сотрудничество между странами, крепнут торговые, производственные, финансовые и другие экономические отношения. В настоящее время, а тем более в будущем, немислимо развитие отдельной страны и ее национального рынка в отрыве от процессов, происходящих в мире, в других странах и регионах.

Для успешного выхода компании на международный рынок, необходимо определить цели, задачи и стратегии международного маркетинга фирмы, которые бы учитывали также стратегии конкурентов.